

ФИЛОЛОГИЯ

УДК 811.511.142 + 821.511.142

Е. В. Косинцева

КОНЦЕПТ ДОМ В ХАНТЫЙСКОЙ ПОЭЗИИ

Дом – одно из ключевых понятий в картине мира ханты. Несмотря на ряд исследований концепта Дом, накопленных современной наукой, в хантыйской литературе данный предмет не рассматривался. Вместе с тем все хантыйские поэты обращались к образу Дома, осмысливали его концептуально. Дом рассматривался ими как часть материальной и духовной культуры народа. С домом в хантыйской поэзии связан жанр воспоминаний. Дом чаще всего раскрывается в творчестве хантыйских поэтов через ностальгические мотивы.

К л ю ч е в ы е с л о в а: концепт, дом, образ, хантыйская литература.

Современная наука накопила опыт осмысления отдельных концептов, в том числе и концепта Дом (Э. Ф. Шафранская, С. М. Богатова, С. А. Тимошенко, О. Б. Медведева и др.). Ю. С. Степанов отмечает, что «концепт в “широком смысле” – это понятие, имеющее культурно и исторически специализированный смысл, особую значимость в рамках определённой культуры, менталитета» [6, 608]. Впервые термин «концепт» был введён С. Аскольдовым, который определяет концепт как заместитель неопределённого множества предметов одного и того же порядка.

Дом – одно из основных понятий в картине мира ханты; он входит в разные концептосферы, соотносящиеся с природой, философией, религией, бытом северного этноса.

КОСИНЦЕВА Елена Викторовна – кандидат филологических наук, доцент кафедры общего языкознания и уралистики Югорского государственного университета (E-mail: Kosintseva_elena@mail.ru).

© Косинцева Е. В., 2010

На материале хантыйской литературы, которая ведет свою историю с 30-х гг. XX в., исследования концептов не проводилось. Постараемся осмыслить в данной работе концептуальное понятие Дома, отраженное в творчестве ведущих хантыйских поэтов: М. И. Шульгина, В. С. Волдина, М. К. Вагатовой, Р. П. Ругина. Для выявления концептуальных семантических полей слова Дом в творчестве хантыйских поэтов воспользуемся текстами на русском языке.

Следует отметить, что многие из поэтов ханты, которые вошли в историю хантыйской литературы, писали на родном языке. Читатель знаком с творчеством хантыйских поэтов через переводы их произведений на русский язык. Перевод сборника М. И. Шульгина «Благодарность» выполнил В. Кузнецов. Переводы произведений В. С. Волдина представили В. Нечволода, Л. Решетников, Н. Касьянов, Э. Кияна, Г. Киселев. Лирику М. К. Вагатовой переводили А. Смольникова, Г. Слинкина, Н. Шамсутдинов, В. Мазин, А. Кердан, есть переводы на русский язык, выполненные самой поэтессой. Произведения Р. П. Ругина переводили И. Фояков, А. Руденко, А. Юдахина и др.

Имя Микуля Ивановича Шульгина, который стоял у истоков хантыйской поэзии, сегодня одно из наименее изученных в литературоведении. Да и творчество поэта почти не знакомо современному читателю. Вместе с тем перу поэта принадлежат три поэтических сборника «Песни весны», «Медовая Обь», «Благодарность», поэма «Макар Осьмаров», сказки и др.

В лирических произведениях поэта, в каждом поэтическом сборнике домом лирического героя Шульгина становится природа. Конкретным воплощением Дома-природы становится лес. При этом поэт подчеркивает этническую особенность восприятия леса как дома северным этносом:

Древний лес... Голубая тайга!
И под солнцем, и под дождем
Ты мне, словно бы жизнь, дорога:
Ты для хантов – родимый дом [7, 11].

Просторы, величие сибирской тайги обретают в лирике поэта сравнение с хоромами: «Ступи под свод тайги, / В зеленые хоромы / Воочью убедись. / Как зори хороши» [7, 40].

С конкретными образами деревьев в стихотворениях поэта появляются два наименования жилища. Используя сказочные фольклорные параллели, Шульгин в лирике создает образ терема, в котором спрятана красавица-березка:

Красной девицей в терему,
Ветви-косы свои расплетя,
Наклонилась березка к нему,
Что-то ласково шелестя [7, 11].

В стихотворении «Белковщик» встречаем сравнение ели с чумом: «Птицы в лесу попритихли давно, / Елка в сугробе, как чум. / Месяц сверкает. Уже темно. / Дремлет ветер-ворчун» [7, 12–13].

Возникает в поэзии Шульгина образ дома-стога сена. На ассоциациях с формой чума стог сена воспринимается домом:

Но август навеял думы,
И вот я шагнул в луга,
Где вырастают, как чумы,
Свежего сена стога [7, 25–26].

Видим, что в творчестве Шульгина дом воспринимается как жилище. Не случайно поэт использует такие наименования, как «терем», «хоромы», «чум». Домом для лирического героя поэта становится и тайга (шире – природа). По форме (внешним признакам) ассоциируются с домом в лирике Шульгина ель и стог сена.

Концептуально осмысляется дом и в творчестве В. С. Волдина. В поэме «Так Молупси» дом – это жилище, по внешним признакам напоминающее юрту: «Вы, может, слыхали, / Что к юртам хантыйским песцы прибежали? / И волки бродили, лишь станет темно, / И вещи совы стучались в окно» [2, 9]. Отмечаем, что у жилища появляется окно.

Продолжает расширяться типология жилых помещений, схожих по форме как главному внешнему признаку, в творчестве Волдина. Появляется и в его стихотворениях образ дома-чума: «Пришел огонь, как праздник, в чум: И нам, сердца согрел» [2, 25]. В стихотворении «Сосновый бор» видим дом-шатер. Здесь же возникает и образ дома-природы, но используется поэтом не обобщенное понятие природы, а более конкретное – бор:

Ты же, добрый человек,
В бор иди, как к человеку,
Как ручей впадает в реку,
Или в море – воды рек.
От дождя тебя шатром,
Он в ненастный день укроет,
На поляне стол накроет,
За добро, платя добром [2, 19].

Есть у Волдина образ дома, связанный с частью света – Севером: «Все с детства близко и знакомо. / Здесь я охочусь и живу. / И все зову я просто домом, / Что люди Севером зовут» [2, 29].

Символом дома в лирике поэта становится очаг, огонь. Как вариацию очага он использует огонь или костер.

Домом лирическому герою становится и рыбацкий стан в стихотворении «У рыбаков»:

Снова я в рыбацком стане,
На Назыме с рыбаками,
С ними с детских лет дружу,
В дом их запросто вхожу,
Чтобы здесь услышать снова
Звуки языка родного [2, 31].

Таким образом, в творчестве В. С. Волдина дом воспринимается как жилище. Схожесть форм строений позволяет поэту, точнее переводчикам лирики В. С. Волдина, использовать наименования «чум», «юрта», «шатер». Домом ста-

новится и временное пристанище – рыбацкий стан. Как и в поэзии Шульгина, в произведениях Волдина встречается дом-природа. Домом лирический герой поэта считает весь Север.

В творчестве М. К. Вагатовой слово «Дом» встречается достаточно часто, что в контексте ее лирики позволяет нам говорить о концептуальном осмыслении данного понятия.

Поэтесса выделяет несколько наименований, определяющих понятие дом, – жилище, чум, изба, юрта, гнездо, муравейник, нерестилище и др.: «Я про первую жизнь вспоминать хочу, / Как любила я наш веселый чум» [1, 8], «Юрта, где я жила, / Днем светом солнца освещалось, / Ночью свет от луны падал на нее» [1, 16–17].

Прежде всего дом для Вагатовой – вместилище самого любимого и дорогого, с ним связано всё светлое и чистое. Интересно, что в лирике Вагатовой у дома есть основа, фундамент – «крепкий пень», «сильный ствол». Этот фундамент связан с женщиной, хозяйкой дома. Традиционно в хантыйской культуре дом считался женским пространством:

Женщина из Осьоланг, пою,
Женщина из Осьоланг, говорю.
Сноху – женщину из юрты
Оставлю за себя, всё ей передам
Пусть она будет крепким пнём
Сильным стволом дома моего [1, 28].

Дом вселяет покой в лирическую героиню Вагатовой. Жилище становится личным пространством героини. Важной деталью жилища является отсутствие углов: «Когда вхожу в свое жильё, не ущемленные углами, / Сажусь – где исстари сижу, покоем дышит мой изгиб» [1, 24].

Рассматривая стихотворения поэтессы, нужно отметить, что для Вагатовой дом непременно должен быть полон людьми, детьми. В книге поэтессы «Моя песня, моя песня» не встречается ни одного стихотворения, где бы говорилось о том, что в доме находится один человек или дом изображается как безлюдное пространство. В доме, созданном поэтессой, всегда царит радость и оживление, что создает настроение праздника, в нем нет понятия «людское одиночество»:

У людей в моём дому,
Словно иней, тают
Вдруг сердца
И взгляд обнять девушку спешит
В танце... [1, 33].

Дом в лирике Вагатовой – не только место, где живет человек, домом именуется место обитания представителей фауны (от рыб до насекомых). Например, в одноименном стихотворении старый муравейник сравнивается со старой заброшенной юртой или домом с провалившейся крышей, а рыбные нерестилища в стихотворении «Мои люди из деревни Туньяканг» подобны гнёздам.

Гнездо, как и муравейник, в восприятии Вагатовой – это природная модель дома:

Если мать, возьмёт тепло солнца,
Она будет жить дальше тепло и радостно.
Дочка её косы заплетёт!
Совьёт гнездо для своего дитя! [1, 15].

Сопоставление дома с гнездом приобретаем масштабное звучание в творчестве поэтессы. Гнездо становится символом жизни на земле и шире используется Вагатовой в контексте земного пространства. Гнездо воспринимается как объединяющая людей сила. В стихотворении «Дыхание ребенка» читаем:

Дыхание жизни – это дыхание ребёнка!
Вместе стоят, зная это,
Все отцы и матери, живущие на Земле,
Одной думой, одной силой
Творят живое гнездо.<...>
Над живым гнездом пусть будет небо!
Наверху пусть много звёзд светится!
Земля жива дыханием ребёнка!
Дыхание жизни – это дыхание ребёнка!
Земля – это живое гнездо! [1, 30].

В стихотворении «Милый Петер, мой муж» прослеживается та же вариация, поэтесса даже использует глагол «гнездиться»:

Лишних слов я не сказала,
Лжи не знает песнь моя
Я пою о милом муже,
С ним навек гнездилась я
Десять жизней греет в чуме
Наш очаг, моя семья [1, 37–38].

В произведениях Вагатовой постоянно подчеркиваются такие признаки дома, как прочность, неподвижность, одушевленность. Человеку нужен был дом, соединяющий небо и землю. С одной стороны, дом является для его жителя центром мира. С другой стороны, он возвышается над землей, стремится к небу; «он выпускает человека вовне и в этом смысле связан с внешним миром и с миром верхним». Отсюда возникла необходимость создания в доме некоего сакрального пространства, напоминавшего о связи домашней организации и защищенности с божественным миропорядком и защитой от потусторонних сил.

Вагатова интуитивно обращается к высшим силам с просьбой о защите. Дом для поэтессы – вместилище добрых духов, охраняющих род от горя и невзгод:

Пусть посетят пешие сто духов мой дом,
Пусть витают крылатые святые сто духов.
Дом мой, полный маленькими детьми,
Пусть заслонят от зла полой святой одежды.
Дом мой, полный молочными детьми,
Закроют святой одежды рукавом,
Отделят от болезней и смертей [1, 17].

Акцентирует внимание Вагатова и на отдельных частях дома, в частности на «святом угле». В отрывке из незавершенной поэмы «Земля моя обская» читаем:

Старая женщина – ханты
 Дрожащей рукой
 В передний угол понесла
 Первую пробу ею сваренной пищи
 «Пусть постоит...
 Ведь духи их живы!»
 Вот откуда у ханты
 В каждом доме добрый дух [1, 69].

Дом является временным и постоянным обитанием не только людей, но и духов: «В каждом доме добрый дух / И живет он, / Пока огонь на земле / Не погаснет» [1, 66], «Пусть посетят пешие святые сто духов мой дом, / Пусть витают крылатые святые сто духов. / Дом мой, полный маленькими детьми, / Пусть заслонят от зла полкой святой одежды. / Дом мой, полный молочными детьми. / Закроют святой одежды рукавом, / Отделят от болезней и смертей» [1, 17].

Дом становится местом духовного очищения, он уподобляется храмовому комплексу. Использует поэтесса и уменьшительно-ласкательную форму слова – «домик», когда пишет о святости жилища. Здесь же перечисляются и непрменные атрибуты быта хантыйского дома: чумал, постель, нарта, хотя последняя – это уже вид транспорта, который при необходимости может служить и спальным местом:

С нартами, застланными постелями, домик,
 В нем сажу.
 С горячим огнем чувала домик,
 Я в том домике стою... [1, 91].

Богиней Огня у хантов является Тут Ими – женщина Огонь. С нею связано много легенд. В жизни народ ханты обращается с огнем, как с человеком – разговаривает, молится, одаривает, кормит. Огонь всегда почитался ханты, он может выступать символом дома. Чаще всего символом дома является очаг (как вариацию очага северные поэты используют костер). Нередко в произведениях поэтессы искра родного очага, согревающая путника, уподобляется дому:

Костры, зажженные из смолистого сушняка,
 Домом мне служили,
 Огонь, зажженный из смолистого сушняка,
 Домом мне всегда был [1, 82].

В понимании хантыйской поэтессы, дом – это не только материальная составляющая, место обитания человека и животных. Дом осмысливается поэтессой в контексте философских категорий «любовь», «судьба», «жизнь»: «Войди в мою жизнь – мой дом. / Живи со мною» [1, 10].

Дом – это «память прошлого», хранилище дум и заветов, в нём берегут родное и сокровенное: «Свято хранят / В каждом доме у нас, / Память любимых мужей, / Сыновей / И отцов» [1, 69].

Читая произведения Вагатовой, видим ассоциативную параллель лес-дом, ранее встречавшуюся и в творчестве других хантыйских поэтов. В стихотворении «В сердце леса» лес – это модель дома, построенная на типичных характеристиках: уют, тепло и полнота жизни:

Красоту найдёт лес для каждого сердца.
Если устанешь – силы здесь найдёшь.
Если ты мёрзнешь – найдёшь тепло здесь.
Если душа пуста – здесь душу наполнишь
В таком доме только умеи жить... [1, 74].

Не случайно в стихотворении «Солдат из камня» поэтесса называет живой лес домом, солнце – костром. Голубое небо в представлении поэтессы – это крыша дома: «С зелеными листьями живой лес / Солдату из камня стал домом, / Солнце для него стало костром, / Голубое небо – крышей» [1, 112–113].

Родина-Россия – знаковое понятие для поэтессы. Вагатовой одинаково важны большая родина – Россия, и малая – родные реки и озёра, тайга и тундра сибирского края, тихие северные селения. Родина для Вагатовой – это «отчий» дом: «“Я живу в Москве” если услышишь – / Знай: ты в России живёшь. / Знай: ты зашла в свой отчий дом» [1, 89]. Домом лирическая героиня Вагатовой считает всю землю:

Большая Земля, которую в сердце держу (берегу),
Это просторная площадь (место) моей жизни.
Это мой прекрасный дом.
Здесь я живу,
Где мои деды жили.
Оттого мои думы высокими стали,
Где мой ханты народ живет [1, 31].

Ханты делят мир на три части: нижний мир – мир мрака, смерти, средний мир – это земля, и верхний мир, недоступный человеку. Вагатова соотносит понятие дома с двумя мирами – средним и верхним. Поэтесса не связывает понятие дома с нижним миром, миром мёртвых, так как она ассоциирует дом с жизнью, а жизнь заканчивается на границах среднего мира.

В границы среднего мира – земную реальность – включается и водное пространство. Важное место в сердце поэтессы занимает река. Для хантов река была не только кормилицей, её почитали как мать. Река была и родным домом. Река воплощала жизнь. В своих произведениях поэтесса не раз использует параллель река–дом:

С тех пор ханты, манси
Вместе стали жить в одной колыбели.
Бурливая Обь и рыбный Иртыш
Стали домом этим народам [1, 94].

В стихотворении «Ракета» водный транспорт соединяет два мира – два дома: мир воды и землю. Да и сама «Ракета» в представлении поэтессы тоже становится домом:

Нас несущая «Ракета»
Над водой приподняла.
Очень ветрено, но брызги
Строки чертят за окном:
Нынче плыть – ни доли риска,
Ведь «Ракета» – тоже дом [1, 98].

Небо так же в восприятии лирической героини связано с домом. Здесь живёт верховный бог Торум со своими детьми. Этот мир недоступен смертному человеку, он являетсяместилищем духов и божеств, которые присматривают за человеком, дают ему необходимую помощь: «Хантыйская сказка сказывала, / Что на небе Торума дом» [1, 122].

Можно утверждать, что поэзия Вагатовой гармонично вместила концептуальное понятие дома. Дом в её лирике – это не только его строение, пригодное для жизни, это реки и леса, это огонь, это места обитания животных. Дом – это всё, что окружает человека, весь живой мир, дом – это духовное и сакральное в сознании человека. Дом – это мир в целом.

В творчестве Р. П. Ругина дом столь же многозначное понятие. В обозначении дома в его основной функции поэт использует в стихотворениях сочетание «жилище людское». Чаще всего в своих произведениях со словом дом Ругин употребляет эпитет «отчий». Отчий дом в восприятии лирического героя становится гарантом стабильности, уверенности в том, что герой не одинок: «Или думаешь ты, что один я на свете / И что нет за спиной моей отчего дома?» [5, 26]. Отчий дом приобретает и вполне конкретные признаки в лирике Ругина – простое бревенчатое строение из лиственницы: «К старым лиственничным бревнам / Отчего простого дома...» [5, 103]. Использует в значении дома Ругин и сочетание «отчий порог». В стихотворении «Берег детства» читаем:

Пролегла моя дорога
Сквозь далекие места –
Как от отчего порога,
Вот от этого моста... [5, 88].

Эпитет «отчий» часто употребляется поэтом и в сочетании со словом земля. Обобщенно, отчая земля воспринимается лирическим героем домом. В стихотворении «Дыханье» родная земля не только дом героя, но и символическое воплощение жизни:

Как просторно над отчей землей,
Как свободно и щедро светает!
Наполняясь ее широтой,
Здесь дыханье мое обитает... [5, 101].

С домом связаны светлые представления о счастье, уюте. Дом становится сердцем семьи. В стихотворении «Метель на ладони» герой утверждает: «В сердце ясно и светло, / Как в большом уютном доме» [3, 86].

Дом обретает охранительную, защитную функции в стихотворениях Ругина. Он бережет не только людей, но и их питомцев. В стихотворении «Щенок» находим этому подтверждение:

Пока ты за привязь на сына не злишь.
Такая она разношерстная – жизнь.
Пойдем-ка покуда в дому погости.
Немного осталось еще подрасти [5, 86].

Дом в лирике Ругина связан с воспоминаниями о детстве: «И в дом вхожу, как в юности страну» [5, 99]. В стихотворении «Мой старый дом» поэт забро-

шенное старое жилище сравнивает с гнездом, «дарованным дивом». Здесь же дается и интерьерное описание дома:

По потолку ладонью провожу,
Потом беру знакомые предметы,
На шкуры, на капкан, на лук гляжу
И вижу детства светлого приметы [5, 99].

Главной размерной характеристикой дома становится внутреннее пространство, создающее ощущение простора, свободы:

И взрослые и дети
Толпятся, а потом
Идут, как рыба в сети,
В один просторный дом [4, 107].

Ностальгические мотивы в лирике поэта рождают образ заброшенного, опустевшего, разрушающегося дома. В стихотворении «Бывшее селение» поэт констатирует: «<...> Но дома пусты, / Если это называть домами» [5, 98].

Встречается в лирике Ругина еще один вид жилища – бревенчатая избушка. Именно с этим строением связывает поэт начало человеческой жизни. Это единственное наименование жилища, которое употребляется в лирике поэта в уменьшительно-ласкательной форме:

Тогда-то, люди, в зимний день такой
Впервые белый свет увидел я
В бревенчатой избушке над рекой [4, 5].

Появляется в лирике Ругина и образ куропачьего чума – дома. Этот вид жилища возник в жизни аборигенов севера как один из способов выживания в сложных климатических условиях региона. Человек учился у природы. Отсюда и возник новый тип сооружения из снега (точнее, в снегу). О нем рассказал поэт в стихотворении «В куропачьем чуме». Интересный вывод делает герой Ругина в финальных строфах произведения, побывавший в таком жилище:

Вот бы вялым домоседам,
Кто с утра встает с трудом
И ведет войну с соседом,
Оказаться в чуме том.
Хоть разок – вдали от дома,
От ухоженных квартир...
Как-то смотришь по-иному
После этого на мир! [5, 153–154].

Трансформацией дома в лирике Ругина выступают родовые угодья. В одноименном стихотворении поэт объединяет родовые леса и воды по главной составляющей традиционной хозяйственной жизни коренного населения севера.

Символом дома во многих стихотворениях поэта выступает дерево, чаще всего ель. Ассоциативные параллели, используемые Ругиным, создают образ дерева-дома, наделенного особыми, приметными знаками, например: в стихотворениях «Ели селения», «Хозяйка селенья»:

Ель «хозяйкой» ханты величали,
 Ей с почтением кланялись всегда
 И рубить и трогать запрещали,
 Чтобы не постигла нас беда [5, 95].

Понятие Дома как место проживания людей расширяется в творчестве Ругина до поселения. Оставленное людьми селение рождает в душе героя вопросы, озвученные в стихотворении «Бывшее селение»:

В траве густой виднеются едва
 Места, где были скромные строения.
 Селенье! Неужели без следа
 Исчезло ты? Чем веку не потрафило?
 А может где-то в небе навсегда
 Твоя запечатлелась фотография?
 Быть может, ели, вставшие вокруг,
 Еще хранят в себе твоё дыханье? [5, 96].

В финальной строфе произведения герой признается: «Но кажется: я тоже виноват / Перед тобой, угасшее селение!» [5, 97].

Дом-родная земля включается Ругиным в понятие «Малая Родина». В стихотворении «В вечном долгу» герой утверждает:

Хоть давно живу я не в селе,
 Отчая привязанность и в сердце,
 И в крови –
 К родной моей земле [5, 36].

В лирике Ругина с домом связаны древние народные традиции. В стихотворении «Обычай» читаем: «Есть обычай добрый у народа: / Если нельмой или осетром / Рыбака одаривали воды, – Непременно звать соседей в дом» [3, 19]. О другой традиции рассказывает поэт в стихотворении «Зимой». Здесь же появляется слово «чум» как обозначение одного из видов жилища:

Зато в дороге, в каждом чуме,
 Знаком ты или незнаком,
 Тебя накормят без раздумий
 Оленьим сочным языком.
 И значит, свой! И значит, можешь
 Здесь жить, как все, своим трудом.
 И там, где шапку ты положишь.
 Есть для тебя и стол, и дом [4, 147].

Как видим, в лирике Р. П. Ругина образ дома занимает одно из главных мест. Дом осмысливается поэтом и как жилище, и обобщенно как родина. Акцентирует поэт внимание на интерьере дома, его функциях, размере. Главным определением, выражающим отношение к предмету изображения и лирического героя и самого поэта, становится эпитет «отчий».

Таким образом, концепт Дом является важной составляющей хантыйской поэзии. Дом осмысливается поэтами как часть материальной и духовной культуры народа.

В результате анализа сложился концептуально обоснованный художественно-ассоциативный ряд понятия Дом в хантыйской поэзии. Все поэты именуют домом Северную землю. Дом в их творчестве вмещает в себя составляющие понятия «Малая Родина». Все поэты, создавая образ дома, используют разные наименования для разграничения типов строений: дом, изба, терем, хоромы, шатер, юрта, чум и проч. Домом в их творчестве становятся рыбацкий стан, родовые угодья. Дом ассоциируется то с гнездом, то с муравейником. Не акцентируют поэты внимание на интерьере и экстерьере дома, на его размерах, характеристиках. Важно внутреннее переживание героя, связанное с домом. М. И. Шульгин использует сравнения и олицетворения предметов, природных явлений в воспоминаниях о доме. В. С. Волдин и Р. П. Ругин с домом связывают этнические традиции. М. К. Вагатова связывает дом в огнем (очагом, костром). Есть в ее поэзии восприятие транспорта как дома. С домом в хантыйской поэзии связан жанр воспоминаний. Дом чаще всего раскрывается в творчестве хантыйских поэтов через ностальгические мотивы.

1. Вагатова М. К. Моя песня, моя песня: стихотворения, легенды, сказки. Екатеринбург, 2002.

2. Волдин В. С. Так Молупси: поэмы и стихи на хантыйском и русском языках. Ханты-Мансийск, 1998.

3. Ругин Р. П. Метель на ладони: стихотворения. М., 1986.

4. Ругин Р. П. Звон летящего аркана: стихи. М., 1987.

5. Ругин Р. П. Избранные стихи. Екатеринбург, 2004.

6. Степанов Ю. С. Константы: словарь русской культуры. М., 2001.

7. Шульгин М. И. Благодарность: стихи. Свердловск, 1975.

Статья поступила в редакцию 14.10.2010 г.

УДК 81'373 + 81'38 + 81-13

И. Ю. Кузина

**О МЕХАНИЗМЕ ПАРАМЕТРИЗАЦИИ
СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНОГО УРОВНЯ
(на примере универбализационных композитов)**

Статья посвящена анализу действия механизма параметризации на словообразовательном уровне. Автор выделяет два типа параметризации, детерминирующих формообразование универбализационных композитов на словообразовательном уровне –

КУЗИНА Ирина Юрьевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры прикладной лингвистики Иркутского государственного лингвистического университета (E-mail: metsib@mail.ru).

© Кузина И. Ю., 2010